

ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

М. Л. Гальперин*

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ — МЕРЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ?

Аннотация. В статье автор анализирует применяемые в исполнительном производстве ограничения прав должника (исполнительные действия) с точки зрения признаков юридической ответственности. На примере ограничения права выезда за рубеж, на использование специальных прав, а также размещения информации о должнике в общедоступном реестре исполнительных производств, делается вывод о том, что в исполнительном производстве, помимо мер, признанных законодателем и правовой доктриной мерами ответственности, существует ряд мер принуждения, которые формально не признаются мерами ответственности, однако, исходя из ряда признаков ответственности, практики их применения могут быть признаны таковыми. Соответствующие меры представляют собой меры косвенного принуждения, т.е. направлены на понуждение самого должника исполнить требование исполнительного документа. Указанное не должно влечь за собой снижение уровня правовых гарантий для должника как адресата таких мер.

Ключевые слова: исполнительное производство, принуждение, ответственность, ограничение прав.

DOI: 10.17803/1729-5920.2018.136.3.009-022

В соответствии со ст. 64 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее — Закон об исполнительном производстве) *исполнительными действиями* являются совершаемые судебным приставом-исполнителем в соответствии с данным Законом действия, направленные на *создание условий* для применения мер принудительного исполнения, а равно на *понуждение* должника к полному, правильному и своевременному исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе.

В указанной статье объединены в единый перечень *совершенно разные* по своему содержанию действия судебного пристава-исполнителя (адресатами которых являются как стороны исполнительного производства, так и иные лица). Часть исполнительных действий по своей правовой природе представляет собой *обеспечительные меры* (арест имущества), другие — *процессуальные действия*,

направленные на получение информации, необходимой в исполнительном производстве (запрос сведений, розыск должника, его имущества), акты судебного пристава по *санкционированию действий сторон* в исполнительном производстве (рассмотрение заявлений и ходатайств), действия по контролю за правильностью исполнения исполнительного документа третьими лицами и т.д. Исполнительные действия *в отношении должника* представляют собой *меры государственного принуждения*, т.е. действия, совершаемые органами публичной власти в отношении личности должника или его имущества, *вопреки или независимо от его воли*. Ряд исполнительных действий представляют собой *ограничение конституционных прав должника*. Например, в соответствии с п. 5 ч. 1 ст. 64 Закона об исполнительном производстве судебный пристав-исполнитель (в отличие от многих иных представителей публичной власти) имеет пра-

© Гальперин М. Л., 2018

* Гальперин Михаил Львович, кандидат юридических наук, профессор кафедры судебной власти факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
mgalperin@hse.ru

109028, Россия, г. Москва, Б. Трехсвятительский пер., д. 3

во без специальной судебной санкции, лишь с разрешения в письменной форме старшего судебного пристава (а в случае исполнения исполнительного документа о вселении взыскателя или выселении должника — без указанного разрешения) входить без согласия должника в жилое помещение, занимаемое должником. Взыскатель и иные лица, кроме должностных лиц ФССП России, совершать исполнительные действия *не могут*.

Могут ли исполнительные действия включать в себя *меры юридической ответственности*?¹.

Первоначальный анализ перечня исполнительных действий из ст. 64 Закона об исполнительном производстве приводит к выводу о том, что на статус меры ответственности может претендовать только исполнительский сбор (п. 13 ч. 1 данной статьи). Как известно, исполнительский сбор прямо квалифицирован как мера публично-правовой ответственности Конституционным Судом РФ². Однако оценим на соответствие признакам юридической ответственности и *иные меры*, которые законодательство об исполнительном производстве квалифицирует как исполнительные действия, но которые представляют собой не просто действия судебного пристава и других должностных лиц, а *правоограничения* (прежде всего *личного* характера) для должника, наложение на него дополнительных обязанностей.

Один из ключевых признаков, позволяющих отграничить меры ответственности от иных мер

принуждения, представляющих собой правоограничения, — *осуждение* соответствующего лица, *негативная оценка* его поведения как результат применения мер ответственности³. Основанием для применения мер ответственности является полный состав правонарушения, а для применения, например, меры защиты часто достаточно только противоправности поведения правонарушителя, противоречия его закону или договору⁴.

Начнем анализ исполнительных действий с *временного ограничения на выезд должника из Российской Федерации*.

Возможность применения временного ограничения на выезд должника из Российской Федерации как исполнительное действие было предусмотрено Законом об исполнительном производстве в 2007 г. Задолго до этого норма о возможности временного ограничения права гражданина Российской Федерации на выезд из Российской Федерации в случае уклонения от исполнения обязательств, наложенных на него судом, до их исполнения либо до достижения согласия сторон, появилась еще в ст. 15 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»⁵. Является ли такое ограничение обеспечительной мерой, *мерой юридической ответственности*, мерой принудительного исполнения или иной мерой принуждения? Изначально, в том виде, в котором ограничение на выезд должника было предусмотрено Федеральным законом

¹ Заметим, что меры ответственности и процессуальные меры, направленные на понуждение должника к исполнению обязательства, разграничиваются Верховным Судом РФ, который указал, что поскольку взыскание процентов за пользование чужими денежными средствами (ст. 395 ГК РФ) является мерой ответственности за нарушение гражданско-правовых обязательств, а не способом обеспечения исполнения судебного акта (и наступает лишь при недобросовестности должника), то в силу своей правовой природы данная мера не может служить инструментом к принуждению исполнения судебного акта, для исполнения которого предусмотрен специальный правовой режим (гл. 24.1 Бюджетного кодекса РФ).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 30.07.2001 № 13-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 7 пункта 1 статьи 7, пункта 1 статьи 77 и пункта 1 статьи 81 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с запросами Арбитражного суда Воронежской области, Арбитражного суда Саратовской области и жалобой открытого акционерного общества «Разрез «Изыхский»».

³ См., например: *Братусь С. Н.* Юридическая ответственность и законность (очерк теории). М., 2001. С. 90—120.

⁴ *Яковлев В. Ф.* О понятии правовой ответственности // Журнал российского права. 2014. № 1. С. 5—7.

⁵ Вместе с тем в судебной практике не существовало единого подхода относительно возможности применения установленного в ст. 15 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» ограничения права на выезд за рубеж судебным приставом-исполнителем (см.: письмо ФССП России от 15.11.2007 № 12/01-12863-АП «О судебной практике, сложившейся в Российской Федерации, по ограничению выезда должников из Российской Федерации»).

«О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», такая мера являлась *обеспечительной*, как и все иные ограничения на выезд, предусмотренные в ст. 15 указанного Закона. Цель законодателя в данном случае, очевидно, заключалась в *пресечении выезда должника за рубеж и, как следствие, обеспечении исполнения им своих обязанностей на территории РФ*. Таким образом, формально ограничение на выезд должника неразрывно связано с содержанием его обязанности, предусмотренной исполнительным документом, поскольку исполнение такой обязанности должно осуществляться на территории РФ, на указанной территории применяются и меры принудительного исполнения, совершаются исполнительные действия в отношении должника.

По мнению М. З. Шварца, личные ограничения не могут быть признаны мерой принудительного исполнения (суррогатом таких мер). Но ученый допускает возможность при определенных условиях использования в исполнительном производстве ограничения выезда как меры *юридической ответственности*⁶. Также Ю. Г. Насонов предлагает считать ограничение на выезд за рубеж мерой юридической ответственности, которой «присущи признаки административного наказания: оно, во-первых, налагается за неисполнение должником в установленный срок требований, содержащихся в исполнительном документе (т.е. за правонарушение); во-вторых, оформляется

постановлением уполномоченного должностного лица; в-третьих, применяется в целях предупреждения дальнейшего неисполнения требований, содержащихся в исполнительных документах», при этом «права должника в производстве об административных правонарушениях более защищены, чем в исполнительном производстве»⁷.

Полностью соглашаясь с изложенной выше позицией М. З. Шварца в части условий для применения ограничения на выезд в исполнительном производстве, заметим, что законодатель должен обеспечить конституционный уровень гарантий прав граждан не только при привлечении к юридической ответственности, но и при применении иных мер принуждения (обеспечительных мер, мер пресечения), связанных с ограничением прав. Как указывал Конституционный Суд РФ, *все призванные обеспечивать исполнение конституционной обязанности меры государственного принуждения — как меры юридической ответственности за совершенные правонарушения, так и процедурные меры их выявления, должны отвечать конституционным принципам справедливости, соразмерности, адекватности, необходимости и правовой определенности*⁸.

Отсутствие в законе или ином нормативном правовом акте *специального формального «маркера» тех или иных мер именно как мер ответственности* не освобождает законодателя и правоприменителя от соблюдения соответствующих гарантий. Например, ст. 104

⁶ В качестве таких условий выделяются следующие: использование всего арсенала мер принудительного исполнения судебным приставом-исполнителем не позволило достичь целей исполнительного производства; вина должника в неисполнении, выраженная в отсутствии уважительных причин неисполнения исполнительного документа (ч. 1 ст. 67 Закона об исполнительном производстве); предупреждение должника о возможности применения соответствующей меры и предоставление ему возможности сообщить судебному приставу-исполнителю о причинах неисполнения исполнительного документа (см.: Шварц М. З. К вопросу о правовой природе личных ограничений в исполнительном производстве // Принудительное исполнение актов судов и иных органов. Полномочия должностных лиц при осуществлении исполнительных действий : сборник материалов Международной научно-практической конференции / отв. ред. А. О. Парфенчиков, Н. М. Кропачев, Д. Х. Валеев. М., 2013. С. 180—183).

⁷ Насонов Ю. Г. Ограничение права граждан на выезд из Российской Федерации в исполнительном производстве: исполнительное действие, элемент судебной защиты или наказание // Исполнительное право. 2013. № 3. С. 6—11.

Ученый также призывает четко определить цель такой меры, превратить ее из административного наказания, по сути, в «реальное» исполнительное действие, устранить собственное усмотрение судебного пристава-исполнителя при ее применении.

⁸ Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.2016 № 2153-О «По запросу Железнодорожного районного суда города Рязани о проверке конституционности пунктов 2 и 3 статьи 1 Федерального закона от 22 октября 2014 года № 308-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»».

Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее — Закон о контрактной системе) предусмотрено ведение реестра *недобросовестных* поставщиков (подрядчиков, исполнителей), т.е. поставщиков, уклонившихся от заключения контрактов, с которыми контракты расторгнуты по решению суда или в случае одностороннего отказа заказчика от исполнения контракта в связи с существенным *нарушением* ими условий контрактов. Информация, содержащаяся в реестре недобросовестных поставщиков, размещается в единой информационной системе и является *общедоступной*, а решение уполномоченного органа государственной власти о включении в реестр недобросовестных поставщиков может быть обжаловано в судебном порядке. В соответствии с ч. 1.1 ст. 31 Закона о контрактной системе заказчик вправе установить требование к участникам закупки об отсутствии в реестре недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей) информации об участнике закупки, в том числе информации об учредителях, о членах коллегиального исполнительного органа, лице, исполняющем функции единоличного исполнительного органа участника закупки — юридического лица.

Является ли включение в указанный реестр недобросовестных поставщиков применением меры *юридической ответственности*? Очевидно, что является. Она применяется как последствие совершенного правонарушения (*нарушение договора, неправомерное уклонение от его заключения*), является принудительным (вопреки или независимо от воли правонарушителя) возложением на правонарушителя дополнительных юридических обязанностей либо иное неблагоприятное для него изменение первоначального правового статуса по сравнению с тем, которым он пользовался до привлечения к ответственности (включение в реестр может стать основанием для отказа в допуске к закупке, *несмотря на возможное желание, волю* лица принять в ней участие), наконец, присутствует явное осуждение правонарушителя как результат привлечения к ответственности, негативная оценка его поведения (включение в публичный реестр *недобросовестных* лиц).

Анализ приведенных положений Закона о контрактной системе позволил арбитражному суду в одном из решений сделать вывод о том, что включение хозяйствующего субъекта в реестр недобросовестных поставщиков представляет собой один из *видов юридической ответственности*, поскольку такое включение является санкцией за недобросовестное поведение поставщика в регулируемой сфере правоотношений и влечет за собой негативные последствия в виде лишения возможности хозяйствующего субъекта в течение определенного периода участвовать в государственных (муниципальных) торгах. Суд указал, что по смыслу ст. 55 (ч. 3) Конституции РФ введение ответственности за правонарушение и установление конкретной санкции, ограничивающей конституционное право, исходя из общих принципов права, должно отвечать требованиям справедливости, быть соразмерным конституционно закрепляемым целям и охраняемым законным интересам, а также характеру совершенного деяния. Исходя из указанного при рассмотрении судом заявления об оспаривании решения о включении в реестр недобросовестных поставщиков им оценивались не только формальные основания для включения в реестр, соблюдение процедуры вынесения решения, но и собственно наличие или отсутствие соответствующего правонарушения, вины лица в уклонении от заключения договора, рассматривался вопрос о *добросовестности* лица, включенного в реестр⁹.

Тезис о необходимости соблюдения конституционных гарантий в отношении всех мер принуждения, а не только мер ответственности, Конституционный Суд РФ подтвердил и в отношении исполнительного производства, указав, что, несмотря на то, что постановление судебного пристава-исполнителя о временном ограничении на выезд должника из Российской Федерации по своей правовой природе является *не мерой юридической ответственности гражданина за сам факт вынесения против него судебного постановления*, возлагающего на него обязанность, а *исполнительным действием*, пределы возможного взыскания по исполнительным документам не могут затрагивать основное содержание *конституционных прав гражданина-должника*, существо которых ни при каких обстоятельствах не должно

⁹ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.12.2015 по делу № А56-37217/2015.

быть утрачено. По мнению Конституционного Суда РФ, порядок исполнения требований, содержащихся в исполнительных документах, призван обеспечивать *соразмерность* применяемых к должнику *исполнительных действий* и учитывать *степень активности его уклонения от добровольного исполнения* возложенной на него исполнительным документом обязанности¹⁰. Соглашаясь с приведенной позицией Конституционного Суда РФ относительно необходимости предоставления надлежащих гарантий лицу, к которому применяются и иные, помимо юридической ответственности, меры принуждения, отметим, что формальное отнесение законодательством об исполнительном производстве тех или иных мер принуждения к исполнительным действиям само по себе не препятствует их классификации как мер ответственности или, например, обеспечительных мер.

Вызывает интерес позиция Европейского Суда по правам человека, который заключая, что власти страны не исполнили своего обязательства обеспечивать, чтобы любое вмешательство в право граждан покидать их собственную страну было оправданным и пропорциональным в течение всей его продолжительности в конкретных обстоятельствах дела, отметил, что служба судебных приставов не пояснила, каким образом запрет на выезд *мог служить цели погашения задолженности*, и не исследовала конкретную ситуацию заявителя и иные значимые обстоятельства дела, а, направляя указанные требования и поручения в органы внутренних дел и пограничного контроля, лишь подтверждала свое первоначальное требование установить в отношении заявителя ограничение на выезд и не пересматривала вопрос *обоснованности* продлеваемых ограничений права заявителя покидать страну. Таким образом, ограничение права заявителя покидать страну с самого начала и в

течение всей его продолжительности было основано исключительно на том, что он не погасил добровольно задолженность согласно решению суда, и автоматически продлевалось службой судебных приставов без новой оценки его обоснованности. Ни в одном решении суды страны не оценивали обоснованность и соразмерность ограничений на выезд, установленных в отношении заявителя¹¹.

В контексте правовой квалификации мер, предусмотренных ст. 67 Закона об исполнительном производстве, особое внимание необходимо обратить на изменения в указанную статью, внесенные Федеральным законом от 26.07.2017 № 190-ФЗ «О внесении изменений в статьи 65 и 67 Федерального закона “Об исполнительном производстве”». Указанным Федеральным законом требования исполнительных документов, неисполнение которых является основанием для наложения временных ограничений на выезд, были *дифференцированы*. Дифференциация принудительных мер в зависимости от защищаемых их применением ценностей является одним из основных конституционно-правовых требований к механизму *юридической ответственности* в публичном праве¹².

Внесенные указанным Федеральным законом изменения являются шагом на пути к четкой дифференциации мер принуждения, которые могут применяться к должнику в исполнительном производстве¹³, не просто в зависимости от вида исполнительного документа (судебный или несудебный), характера мер принудительного исполнения, которые должны быть применены для его исполнения (имущественного или неимущественного характера), но в зависимости от степени социальной значимости исполнения соответствующей обязанности должника. В данном случае допустимая степень правоограничений, применяемых к должнику, интенсивность принудительного

¹⁰ Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2014 № 1563-О «По жалобе гражданина Зимина Бориса Дмитриевича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 30 и частью 2 статьи 67 Федерального закона “Об исполнительном производстве”».

¹¹ Пункты 98, 99, 101 постановления ЕСПЧ от 11.07.2013 «Дело “Хлюстов (Khlyustov) против Российской Федерации”» (жалоба № 28975/05).

¹² Пункт 2 постановления Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа».

¹³ Соответствующая дифференциация в той или иной степени также может быть обнаружена и в иных нормах Закона об исполнительном производстве, например, в ч. 3 ст. 35, ч. 3 ст. 65, ч. 2 ст. 67.1, ч. 3 ст. 99.

воздействия на него в исполнительном производстве ставятся в зависимость от значимости ценностей, на которые посягает должник, не исполняя требования исполнительного документа.

Необходимо признать, что в правоприменительной практике наложение ограничения на выезд за рубеж из действия, направленного на создание *условий* для применения мер принудительного исполнения *судебным приставом-исполнителем, недопущения уклонения должника* от участия в соответствующих процессуальных действиях, превратилось в полноценную меру понуждения должника к *самостоятельному исполнению* (помимо своей воли) требований исполнительного документа, в меру косвенного *личного* принуждения. Указанное подтверждается не только тем, что сама ФССП России полагает, что исполнение исполнительных документов осуществляется «в результате» применения таких мер¹⁴, но и в том, что в силу прямого указания ч. 14.2 ст. 30 Закона об исполнительном производстве судебный пристав-исполнитель в постановлении о возбуждении исполнительного производства специально *предупреждает* должника о возможном установлении в отношении него временных ограничений, предусмотренных законом, при неисполнении в установленный для добровольного исполнения срок без уважительных причин требований, содержащихся в исполнительном документе¹⁵.

Соответствующее предупреждение внешне выглядит как *угроза* применения к должнику *наказания* за неподчинение. В данном смысле можно говорить о присутствии признака *осуждения* должника в случае неисполнения им предписания исполнительного документа, психологическом воздействии на него, *не характерном для обеспечительных мер, но сходным с мерами ответственности*¹⁶. Заметим, что рядом ученых предлагается само содержащееся в постановлении судебного пристава-исполнителя предупреждение должника о негативных последствиях неисполнения им самостоятельно требований исполнительного документа (в том числе о применении мер принудительного исполнения, а также мер уголовной ответственности) считать неимущественной *ответственностью* в исполнительном производстве¹⁷.

В административном праве присутствует такой специальный вид административного наказания, как *предупреждение* — мера, выраженная в официальном *порицании* физического или юридического лица (ст. 3.4 КоАП РФ). Рядом авторов высказывается мнение о том, что указанная мера представляет собой не меру ответственности, а преимущественно профилактическую меру, призванную лишь побудить правонарушителя к добровольному исполнению нарушенной им обязанности с учетом того, что данное правовое средство «не содержит реальных правоограничений»¹⁸.

¹⁴ Парфенчиков А. О. Ограничение прав должника: новеллы законодательства и практика применения // Сборник материалов международной научно-практической конференции / отв. ред. А. О. Парфенчиков, В. А. Гуреев. М., 2016. С. 19.

Как отмечалось выше, отличие исполнительных действий от мер принудительного исполнения как раз заключается в том, что фактическое исполнение осуществляется в результате применения последних.

¹⁵ Частью 11 ст. 30 Закона об исполнительном производстве предусмотрено предупреждение должника в постановлении об исполнительном производстве и о принудительном исполнении требований исполнительного документа по истечении срока для добровольного исполнения с взысканием с него исполнительского сбора и расходов по совершению исполнительных действий. Однако предупреждение о возможном ограничении личных прав должника предусмотрено отдельной частью ст. 30 и осуществляется не только при первом поступлении исполнительного документа в ФССП России (как в соответствии с ч. 11 ст. 30), а во всех случаях.

¹⁶ Как отмечал Конституционный Суд РФ, «не только реальные ограничения, но и выявившаяся их опасность, прежде всего угроза потерять свободу, нарушают неприкосновенность личности, в том числе психическую, оказывают давление на сознание и поступки человека» (п. 5 постановления Конституционного Суда РФ от 03.05.1995 № 4-П «По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Аветяна»).

¹⁷ Исполнительное производство : учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. С. Ф. Афанасьева, О. В. Исаенковой. М., 2015. С. 135—136 (автор раздела — С. Ф. Афанасьев).

¹⁸ Осинцев Д. В. Административная ответственность и ее превращенные формы // Российский юридический журнал. 2012. № 5. С. 148—160.

В свою очередь, согласимся с теми учеными, которые вслед за законодателем предлагают считать административное предупреждение полноценным видом наказания, имеющим определенную карательную направленность, оказывающим моральное воздействие на правонарушителя, создающим для него *психологический дискомфорт* посредством оценки его противоправного поведения и влекущим правовые последствия в виде, например, учета привлечения ранее к ответственности за однородное правонарушение как отягчающего обстоятельства (ч. 1 ст. 4.3 КоАП РФ)¹⁹.

В 2015 г. в российском законодательстве появился новый вид исполнительного действия (ст. 67.1 Закона об исполнительном производстве) — приостановление действия предоставленного должнику в соответствии с законодательством РФ права управления транспортными средствами, в том числе автомобилями, воздушными судами, судами морского, внутреннего водного транспорта, мотоциклами, квадрициклами и т.д. (*временные ограничения на пользование должником специальным правом*). В целом правовая конструкция в ст. 67.1 Закона об исполнительном производстве аналогична ст. 67, предусматривающей ограничение на выезд за рубеж. Но применяется соответствующее ограничение к должнику-гражданину или индивидуальному предпринимателю не по всем исполнительным документам, а только по содержащим требования, обозначенные в законе (в том числе о взыскании алиментов, о возмещении вреда, причиненного здоровью, в связи со смертью кормильца и т.д.).

Предположим, что в системе принуждения отсутствие прямой юридической связи между *объективной стороной* проступка и *содержанием реакции* на него государства возможно только при применении *мер юридической ответственности*. Каково же назначение ограничений специального права: *обеспечение* ис-

полнительного производства (как ограничение на выезд за рубеж в его изначальном понимании), *наказание* должника либо освобождение от работы судебного пристава-исполнителя посредством понуждения должника инициативно исполнить требования исполнительного документа «под гнетом» личного ограничения, особенно когда речь идет о требовании неимущественного характера, которое затруднительно исполнить без участия самого должника?

Полномочие по ограничению специального права отдано законом судебным приставам. Но нельзя забывать о том, что лишение права и в УК РФ, и в КоАП РФ является наказанием, назначаемым *исключительно судом* (например, ст. 3.8 КоАП РФ)²⁰. Кроме того, лишение (ограничение) специального права в уголовном праве и в законодательстве об административных правонарушениях и как мера ответственности, и как мера пресечения *всегда ограничено определенным сроком* (за исключением пожизненного лишения свободы). Очевидно, требование срочности, определенности параметров ограничения в данном случае проистекает из положений Конституции РФ²¹. В противном случае и заключение под стражу как мера пресечения могла бы использоваться в уголовном процессе не в течение определенного срока, продлеваемого судом в установленном законом порядке, а, например, до тех пор, пока преступление, в совершении которого обвиняется содержащийся под стражей, *не будет раскрыто или обвиняемый не признается в его совершении*. В соответствии же со ст. 67.1 Закона об исполнительном производстве ограничение права устанавливается не на заранее определенный срок, а сохраняется до исполнения требований исполнительного документа в полном объеме или до отмены ограничения права.

Вряд ли обоснованно применять ограничение личных прав должника на самом первом этапе исполнительного производства, до

¹⁹ Максимов И. В. Предупреждение как мера административного наказания // Юрист. 2004. № 11.

²⁰ С учетом большого количества оценочных понятий в ст. 67.1 Закона об исполнительном производстве процесс установления условий для применения соответствующих ограничений может стать достаточно сложным, связанным с установлением различных обстоятельств (см., например: письмо ФССП России от 28.04.2016 № 00010/16/37567-СВС).

²¹ См., например: постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 20-П «По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Б. Егорова, А. Л. Казакова, И. Ю. Кравцова, А. В. Куприянова, А. С. Латыпова и В. Ю. Синькова»).

совершения иных исполнительных действий. Безусловно, судебному приставу выгодно как можно скорее поставить должника в ситуацию, при которой он сам, «добровольно» исполнит исполнительный документ. Однако сила государственного принуждения должна наращиваться *постепенно с учетом необходимости экономии репрессии*. В самом Законе об исполнительном производстве, например в ч. 1 ст. 65, предусмотрено, что исполнительный розыск должника, его имущества объявляется не сразу после возбуждения исполнительного производства, а при условии, что совершенные *иные исполнительные действия не позволили* установить местонахождение должника, его имущества. Личные ограничения, предусмотренные ст. 67 и 67.1 Закона об исполнительном производстве, должны быть надлежащим образом вписаны в очередность мер принуждения в исполнительном производстве.

Следует признать, что, как и рассмотренное выше ограничение на выезд должника за рубеж, ограничение специальных прав представляет собой меру, сходную с мерами ответственности, с точки зрения как объема правоограничений, так и направленности на психологическое, карательное воздействие на должника, принуждение его к самостоятельному исполнению требований исполнительного документа, является аналогом меры принудительного исполнения. Ограничение специальных прав не может быть признано мерой обеспечительного характера, с учетом того, что по своему *содержанию* оно не связано с той обязанностью, исполнение которой обеспечивается ее применением. Напомним, что Европейский Суд по правам человека указал, что уклонение от исполнения требования исполнительного документа *само по себе* не может быть причиной применения к должнику меры в виде ограничения на выезд за рубеж. Не может и такое исполнительное действие (*обеспечительного* характера, в силу назначения, но не практики применения) являться и общей мерой *косвенного принуждения* к исполнению должником требования исполнительного документа, либо мерой

ответственности, наказанием должника за *отказ самостоятельно исполнить обязательство*.

Позволим себе предположить, что отличием обеспечительной меры (как и иных мер принуждения) от меры ответственности в *публичном праве* является направленность ответственности *на обеспечение как частной (в отношении конкретного лица, привлекаемого к ответственности), так и общей (в отношении неопределенного круга лиц) превенции правонарушения*. Целью административного или уголовного наказания является предупреждение совершения новых правонарушений как самими правонарушителями, так и другими лицами, а реализация указанной цели в аспекте общей и частной превенции обеспечивается посредством введения таких мер юридической ответственности, которые, будучи соразмерными и справедливыми, позволяют в конкретных обстоятельствах стимулировать участников правовых отношений к правомерному поведению²². Как образно отметил С. С. Алексеев, меры защиты могут быть охарактеризованы в качестве «первичных» правоохранительных санкций, имеющих ограниченную программу — восстановление конкретного нарушенного (нарушаемого) правового состояния, в отличие от мер ответственности, преследующих более глубокую «стратегическую» цель²³.

Выше мы отметили, что законодательство об исполнительном производстве предусматривает специальное *предупреждение* должника о возможном применении в отношении него личных ограничений. Сравнивая личные ограничения в исполнительном производстве с обеспечительными мерами в публичном праве (например, обеспечением иска в гражданском процессе, личным досмотром, задержанием в административном праве), отметим, что законодатель, как представляется, совершенно сознательно по общему правилу не просто не предусматривает предупреждения адресата таких мер об их применении, но устанавливает необходимость их *неожиданного* для соответствующего лица применения (наложения) без его специального оповеще-

²² Постановление Конституционного Суда РФ от 22.04.2014 № 13-П «По делу о проверке конституционности частей 5 и 7 статьи 12.16, части 1.2 статьи 12.17, частей 5 и 6 статьи 12.19 и части 2 статьи 12.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы».

²³ Алексеев С. С. Собрание сочинений. М., 2010. Т. 3. С. 374.

ния (например, ст. 141 ГПК РФ). Такой подход связан с тем, что эффект таких мер принуждения по замыслу законодателя обеспечивается собственно их оперативной реализацией, а не *угрозой* применения, *психологическим воздействием* на соответствующее лицо.

Попытка обеспечения применением личных ограничений в исполнительном производстве *общей превенции* подтверждается и явным использованием в средствах массовой информации, сводках ФССП России объявлений о возможности применения соответствующих мер в качестве *публичных предостережений* потенциальных неисправных должников. Такие объявления включают, например, описание случая выдачи судебным приставом должнику уведомления о возможном применении в отношении него ограничения водительских прав (после чего «он понял, что, похоже, его работа по грузоперевозкам находится под угрозой срыва, а стало быть, и дохода он получать не будет, и предпочел погасить задолженность по алиментам в полном объеме»²⁴), а также случаев исполнения требований исполнительных документов «только после ограничения в праве вождения автомобиля»²⁵, оплаты долга даже после простого рассказа о вступлении в силу закона, предусматривающего ограничение специальных прав должника²⁶.

Дальнейшее развитие законодательства об исполнительном производстве, очевидно,

идет по пути расширения ограничений прав должника, непосредственно не связанных с предметом взыскания, в целях побуждения к самостоятельному исполнению требования исполнительного документа, психологического воздействия на должника. В частности, прорабатываются предложения об ограничении для должника, *включенного в банк данных исполнительных производств*, выступать учредителем юридического лица, регистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя, проводить реорганизацию, открывать счета в кредитных организациях²⁷.

В юридической литературе высказывается мнение не просто о необходимости использования в качестве мер косвенного принуждения ограничений личного статуса должника, но о возможности признания судом *должника ограниченно дееспособным* в порядке особого производства на период *от пяти до десяти лет*, в зависимости от количества и суммы неудовлетворенных требований²⁸. Предлагаемые меры внешне сходны с мерами, применяемыми к несостоятельному лицу в рамках процедур несостоятельности (банкротства).

Как отмечал Конституционный Суд РФ, целями процедуры несостоятельности являются *предотвращение банкротства и восстановление платежеспособности должника*, а также создание условий для *справедливого* обеспечения экономических и юридических

²⁴ URL: <http://fssprus.ru/news/document23576187>.

²⁵ URL: <http://fssprus.ru/news/document23443098>.

²⁶ URL: <http://fssprus.ru/news/document23385185>.

²⁷ URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=54663>.

²⁸ Погашение всей задолженности должно влечь за собой восстановление дееспособности по решению суда. Должник, сознательно не исполняющий исполнительный документ, при введении такой нормы лишается ряда преимуществ полностью дееспособного лица, связанных с возможностью распоряжаться материальными правами. Для этой группы ограниченно дееспособных граждан предлагается ввести еще три запрета на период ограничения в дееспособности: 1) воспрещение осуществлять пассивное избирательное право; 2) воспрещение выступать учредителем юридического лица; 3) воспрещение без согласия органов опеки и попечительства выезжать за границу. По замыслу авторов идеи, предлагаемые меры должны побудить исполнить исполнительный документ лицо, которое юридически не имеет доходов и имущества для обращения взыскания. Для юридического лица такой стимулирующей нормой может выступать законодательно предусмотренная возможность взыскателя контролировать финансовую деятельность должника (см.: Кузнецов В. Ф. Система исполнительного производства (вопросы теории и практики) : дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2004. С. 140—141 ; Стрельцова Е. Г. Меры принудительного исполнения в отношении должника — юридического лица, уклоняющегося от исполнения исполнительных документов по имущественным взысканиям // Принудительное исполнение актов судов и иных органов в отношении юридических лиц (организаций и предпринимателей). Проблемные аспекты : сборник материалов международной научно-практической конференции / отв. ред. А. О. Парфенчиков, Д. Х. Валеев. М., 2013. С. 187—188).

интересов всех кредиторов²⁹. Соответствующие ограничения прав должника как результат несостоятельности, как правило, призваны оградить самого должника и иных участников оборота от повторения ситуации возникновения задолженности, предупредить потенциальных контрагентов должника о его неплатежеспособности в прошлом для принятия информированного решения о вступлении с ним в отношения, но никак не могут иметь своей основной целью психическое воздействие на банкрота. Введение соответствующих мер в исполнительное производство не должно и не может обеспечивать цель *наказания* должника, унижения его достоинства, демонстративного «исключения» из гражданского оборота.

Вызывает сомнение соразмерность установления таких мер, как ограничение пассивного избирательного права должника, гарантированного Конституцией РФ, и установление над ним опеки. Необходимо помнить о пределах возможностей исполнительного производства как режима регулирования, границе между сферами регулирования законодательства об исполнительном производстве и законодательства о несостоятельности (банкротстве). Нельзя произвольно конструировать меры, которые призваны *устрашить* должника.

Напомним, что со времени Соборного уложения, если ответчик не уплачивал истцу присужденной суммы, то его «ставили на правеж». У каждого обвиненного стоял пристав и бил должника прутом. Правеж прекращался истечением срока правежа, сделкой между истцом и ответчиком, уплатой иска за ответчика кем-либо посторонним. Когда у ответчика не было имущества на оплату иска, тогда приступали к последнему, крайнему средству удовлетворения истцов и кредиторов: самого ответчика, *лично, отдавали истцу на отработку долга*. Эта отдача называлась «выдачей головою до искупу»³⁰. Фактически, «отдавать головою» должника взыскателю предлагается и в рамках приведенных выше предложений о введении финансового контроля взыскателя над должником.

Мы должны отдавать себе отчет в целях соответствующих ограничений прав: воспри-

нимаем ли мы их как исключительно меры наказания должника, либо так же, как меры косвенного принуждения, или, например, как меры обеспечительного характера? Как было отмечено, определение цели применения меры обуславливает режим ее применения, связь содержания меры с содержанием поступка, реакцией на который она является, и т.д. Любая мера принуждения должна применяться с учетом набора конституционно обусловленных гарантий прав адресата, необходимости обеспечения баланса интересов кредитора, должника, государства и общества. Представляется, что набор таких гарантий обусловлен как правовой квалификацией такой меры (например, как меры ответственности), так и объемом правоограничений, которые она предполагает.

В итоге в отношении рассмотренных выше двух видов исполнительных действий, представляющих собой ограничения личных прав должника (на выезд за рубеж и на использование специальных прав на управление транспортными средствами), следует признать, что соответствующие меры *в части* ограничения правового статуса должника, его осуждения, негативной оценки его бездействия по исполнению требований исполнительного документа, использования таких мер для воздействия на сознание должника, побуждения его к совершению действий помимо его воли *соответствуют признакам юридической ответственности*. Указанные меры используются в правоприменительной практике не в качестве обеспечительных мер, а как меры косвенного личного принуждения должника, заменяющие меры принудительного исполнения, и призванные облегчить деятельность судебного пристава по исполнению своих обязанностей.

Не все исполнительные действия, представляющие собой ограничение прав должника, прямо перечислены в ст. 64 Закона об исполнительном производстве. Так, М. З. Шварц обоснованно предлагает считать ограничением прав должника и *превращение сведений о наличии возбужденных в отношении должника исполнительных производств в общедоступную информацию* (включение в обще-

²⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 03.10.2002 № 231-О «По жалобе гражданина Харитонов Валентина Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 57 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»».

³⁰ Гражданский процесс : хрестоматия / под ред. М. К. Треушников. М., 2005. С. 672—673.

доступный банк данных исполнительных производств в соответствии со ст. 6.1 Закона об исполнительном производстве). По мнению ученого, если положения закона о базе данных исполнительных производств рассматривать в свете принципов и идеологии законодательства о защите персональных данных, то вывод о том, что общедоступность такой информации является ограничением прав должника на неприкосновенность его личной жизни, права закрыть эту информацию от чужих глаз в самом широком конституционно-правовом контексте, станет очевидным.

Конечно, такая доступность обеспечивает защиту интересов потенциальных кредиторов, позволяя им предусмотрительно отказаться от вступления в отношения с субъектом, сведения о котором размещены в базе данных исполнительных производств. Но несомненно и то, что эта открытость весьма личной информации представляет собой ограничение права на уважение личной жизни, позволяет собирать и распространять информацию о физическом лице без ограничений, отражается на репутации должника и на его отношениях не только в правовом поле с потенциальными или имеющимися контрагентами, но и в плоскости *личных отношений*. Поэтому сводить понятие «ограничение прав должника» только к определенным мерам воздействия со стороны судебного пристава-исполнителя или суда было бы неоправданно. Решая, ограничен или не ограничен в своих правах должник, мы обязаны отвечать на этот вопрос в свете того совокупного правового воздействия, которому он подвергается с момента возбуждения исполнительного производства, включая косвенное воздействие и такое правоограничение, которое внешне таковым не выглядит, но в действительности его права ограничивает³¹.

Органы принудительного исполнения активно используют возможности средств массовой информации для размещения информации о должниках, опубликования для всеобщего сведения их фотографий³². В одном из сообщений ФССП России указывается, что опубликование «биометрических данных» должника в городской газете побудило его родственницу сообщить о местонахождении злостного должника судебным приставам, «дабы не позорить фамилию и избежать повторного упоминания о члене ее семьи в любимой газете»³³. В настоящее время прорабатывается введение в законодательство обязанности редакций всех средств массовой информации, учредителями (соучредителями) которых являются государственные органы, государственные органы субъектов РФ, органы местного самоуправления, размещать по требованию судебного пристава-исполнителя в *ближайшем* планируемом выпуске на безвозмездной основе информацию об объявлении розыска должника-гражданина³⁴. В одном из субъектов РФ детям, чьи родители являются должниками по алиментным обязательствам, судебные приставы предложили написать письма Деду Морозу, которые судебными приставами-исполнителями будут вручены родителям, являющимся должниками по исполнительным документам. В рейды по адресам злостных неплательщиков алиментов вместе с судебными приставами также были приглашены репортеры ведущих телерадиокомпаний региона, а также корреспонденты печатных изданий³⁵. Несмотря на объективно аморальное поведение многих должников, с точки зрения принципов правового государства вряд ли допустимо побуждать должника к выполнению его *имущественных* обязательств посредством освещения в СМИ его личной жизни³⁶, раскрытия неопределен-

³¹ Шварц М. З. Пределы и последствия ограничения прав должника // Ограничение прав должника: новеллы законодательства и практика применения : сборник материалов научно-практической конференции / отв. ред. А. О. Парфенчиков, В. А. Гуреев. М., 2016. С. 152—153.

³² См., например: URL: <http://fssprus.ru/news/document21355119>.

³³ URL: <http://fssprus.ru/news/document23051899>.

³⁴ URL: <http://regulation.gov.ru/projects/List/AdvancedSearch#npa=49942>.

³⁵ URL: <http://fssprus.ru/news/document22081709>.

О «нестандартных» исполнительных действиях см. подробнее: письмо ФССП России от 27.05.2009 № 12/02-7646-АП «О практике применения территориальными органами ФССП России нестандартных методов сбора сведений о должниках и их имуществе».

³⁶ Обнародование ФССП России посредством передачи телерадиокомпаниями видеосъемки исполнительных действий по вселению взыскателя и выселению должника из жилого помещения стало основанием для признания судом соответствующих действий должностных лиц ФССП России нарушающими

ному кругу лиц сведений о его семейных отношениях³⁷.

Размещение информации о должнике в общедоступных источниках (прежде всего в реестре исполнительных производств) сходно с рассмотренной выше мерой — *включением предпринимателей в реестр недобросовестных поставщиков в соответствии с законодательством о контрактной системе* (мерой с точки зрения правоограничений, последствий для адресата, представляющей собой меру ответственности). В случае же с реестром исполнительных производств соответствующая информация размещается автоматически, без специального решения органа публичной власти, которое может быть обжаловано в суд, например, в связи с уважительными причинами неисполнения требования исполнительного документа должником.

Органами принудительного исполнения в целях облегчения работы судебного пристава по выявлению имущества должника давно ставится вопрос о введении в законодательство специального механизма *самостоятельного декларирования (раскрытия)* по требованию судебного пристава-исполнителя должником всего своего имущества и об установлении уголовной ответственности за уклонение от подачи такой декларации либо сообщение в ней заведомо ложных сведений³⁸. Одним из элементов такого механизма является положение ч. 1 ст. 17.14 КоАП РФ, в силу которой должник несет административную ответственность в виде штрафа за *предоставление недостоверных сведений о своих правах на имущество*.

Часть 1 ст. 17.14 КоАП РФ не предусматривает сейчас ответственность за *непредоставление* таких сведений. Ответственность за неисполнение требования о декларировании должником своего имущества (не предусмотренного пока законодательством) не может «*камуфлироваться*» общими нормами ответственности за невыполнение любых законных требований судебного пристава-исполнителя (ч. 1 ст. 17.14 КоАП РФ). Требование судебного пристава-исполнителя не может заключаться в общем предписании должнику исполнить требование исполнительного документа³⁹. В таком случае мера административной ответственности, предусмотренная ч. 1 ст. 17.14 КоАП РФ, может стать единственной мерой косвенного принуждения в исполнительном производстве, а такое исполнительное действие, как «направление законного требования» судебного пристава-исполнителя, — единственным исполнительным действием. Нельзя признать основанной на законе практику затребования под угрозой применения меры ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 17.14 КоАП РФ, у самого должника сведений о его имуществе судебным приставом-исполнителем⁴⁰ без специального указания на такое полномочие в законе⁴¹.

По нашему мнению, нельзя отнести к мерам не только *исполнительно-процессуальной* ответственности, но и юридической ответственности вообще *неблагоприятные процессуальные последствия*, связанные с нарушением субъектом исполнительного производства *процессуальной формы реализации своего субъективного права, в виде невозможности*

права и законные интересы граждан, причиняющими им моральный вред, поскольку в силу ст. 152.1 ГК РФ использование изображения гражданина допускается только с его согласия (см.: письмо ФССП России от 23.12.2011 № 12/01-31392-АП «О порядке проведения видеосъемки при совершении исполнительных действий и применении мер принудительного исполнения»).

³⁷ См. подробнее: Гальперин М. Л. Исполнительное производство : учебник для бакалавриата и магистратуры. М., 2017. С. 278—279.

³⁸ См.: Парфенчиков А. О. Проблемы развития и совершенствования системы принудительного исполнения судебных актов и актов иных органов в Российской Федерации // Эффективность принудительного исполнения судебных решений и актов других органов : сборник материалов Международной научно-практической конференции / отв. ред. А. О. Парфенчиков, Д. Х. Валеев. М., 2011. С. 12.

³⁹ См., например: решение Ленинградского областного суда от 07.08.2013 № 7-490/2013 ; постановление Верховного суда Республики Дагестан от 16.02.2017 № 4А-427/2016 ; постановление ФАС Волго-Вятского округа от 27.08.2008 по делу № А29-2418/2008.

⁴⁰ См., например: постановление Санкт-Петербургского городского суда от 04.04.2011 № 4а-263/11.

⁴¹ В гражданском процессе с учетом принципа состязательности отсутствует ответственность не только за отказ стороны от объяснений и представления доказательств против себя, но даже за заведомо ложные объяснения (см.: Гальперин М. Л. Исполнительное производство : учебник для бакалавриата и магистратуры. С. 281).

его осуществления (например, отказ в возбуждении исполнительного производства)⁴². В данном случае на должника не возлагается дополнительных обязанностей, а невозможность реализовать свое процессуальное право обусловлено *несоблюдением установленной законом формы его реализации*, а следовательно, отсутствием процессуальных условий и оснований для удовлетворения соответствующего заявления должника⁴³.

Таким образом, можно констатировать, что в исполнительном производстве, помимо мер, признанных законодателем и правовой доктриной мерами ответственности (например, административный штраф, предусмотренный ст. 17.15 КоАП РФ), существует ряд мер принуждения, представляющих собой ограничения личных прав должника (на выезд за рубеж, на управление транспортным средством), размещение в общедоступных реестрах персональной информации о должнике, которые

формально не признаются мерами ответственности, однако, исходя из ряда признаков ответственности (негативное изменение правового статуса лица, наличие элемента осуждения), практики их применения, могут быть признаны таковыми. Соответствующие меры представляют собой меры *косвенного* принуждения, т.е. направлены на понуждение самого должника исполнить требование исполнительного документа.

Указанное не должно влечь за собой снижение уровня правовых гарантий для адресата мер принуждения. Представляется, что такие гарантии должны соответствовать гарантиям, предоставляемым лицам, привлекаемым к мерам публично-правовой ответственности, по модели которых сконструированы соответствующие исполнительные действия (например, лишение права на управление транспортным средством как административное наказание)⁴⁴.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Исаенкова О. В. Проблемы исполнительного права в гражданской юрисдикции : дис. ... д-ра юрид. наук. — Саратов, 2003.
2. Кузнецов В. Ф. Система исполнительного производства (вопросы теории и практики) : дис. ... д-ра юрид. наук. — Челябинск, 2004.
3. Серков П. П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы. — М., 2012.
4. Хохлов В. А. О правовой природе исполнительского сбора // Исполнительное производство: процессуальная природа и цивилистические основы : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Д. Х. Валеев, М. Ю. Чельшев. — М., 2009. — С. 299—308.
5. Юдин А. В. Правовая природа обязанности должника по исполнению судебного акта // Исполнительное производство: процессуальная природа и цивилистические основы : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Д. Х. Валеев, М. Ю. Чельшев. — М., 2009. — С. 193—197.

Материал поступил в редакцию 10 января 2018 г.

⁴² В литературе соответствующие последствия относят к мерам «неимущественной ответственности» в исполнительном производстве (см., например: Исполнительное производство : учебник для магистров / под ред. О. В. Исаенковой, С. Ф. Афанасьева. М., 2012. С. 135).

⁴³ Гальперин М. Л. Исполнительное производство : учебник для бакалавриата и магистратуры. С. 374.

⁴⁴ Распространение на иные, чем ответственность, меры принуждения в исполнительном производстве определенных правовых гарантий не освобождает от необходимости вычленения из всего массива таких мер именно мер юридической ответственности, определения путей их совершенствования.

ENFORCEMENT ACTIONS. ARE THEY MEASURES OF RESPONSIBILITY?

GALPERIN Mikhail Lvovich — PhD in Law, Professor of the Department of Juriciary of the Law Faculty at the National Research University “Higher School of Economics”
mgalperin@hse.ru
109028, Russia, Moscow, B. Trekhsvyatitelskiy per., d. 3

Abstract. *The paper analyzes restrictions of the debtor’s rights employed in enforcement procedures (enforcement actions) in the context of criteria of legal responsibility. Using as examples restrictions applied to the right to travel abroad, to exercise special rights, as well as to post information with regard to the identity of the debtor in the public register of enforcement proceedings, the author draws a conclusion that enforcement proceedings, in addition to measures recognized by the law-maker and the law doctrine as measures of responsibility, include a number of other enforcement measures that are not technically recognized as measures of responsibility. However, in the view of some criteria of responsibility, they can be treated as such based on the process of their implementation. Such measures are indirect measures of coercion, i.e. they are aimed at forcing the debtor to fulfill what is demanded under an enforcement document. The mentioned above should not entail any decrease in the level of legal safeguards for the debtor as the addressee of such measures.*

Keywords: *enforcement proceedings, coercion, responsibility, restriction of rights.*

REFERENCES

1. Kuznetsov, V.F. The System of Enforcement Proceedings (Issues of the Theory and Implementation). Doctoral Dissertation. — Chelyabinsk, 2004. — P. 151—152.
2. Isaenkova, O. V. Problems of Enforcement Law in Civil Jurisdiction. Doctoral Dissertation. — Saratov, 2003. — P. 17, 190, 211—231.
3. Serkov, P. P. Administrative Responsibility in Law of the Russian Federation: Current Understanding and New Approaches. M., 2012 (RIS KonsultantPlus)
4. Khokhlov, V. A. The Legal Nature of an Enforcement Fee // The Enforcement Proceedings: Procedural Nature and Civilistic Foundations : Collection of Proceedings of All-Russian Scientific and Practical Conference / Ed. by D. H. Valeev, M. Yu. Chelyshev. — M., 2009. P. 299—308.
5. Yudin, A. V. The legal nature of the obligation of the debtor to execute a court order // The Enforcement Proceedings: Procedural Nature and Civilistic Foundations : Collection of Proceedings of All-Russian Scientific and Practical Conference / Ed. by D. H. Valeev, M. Yu. Chelyshev. — M., 2009. — P. 193—197.